

О. А. ГРЕХОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
Россия, Екатеринбург)*

УДК 821.161.1-2(Чехов А. П.)

ПЕРСОНАЖИ А. П. ЧЕХОВА «НА АНГЛИЙСКИЙ МАНЕР»: ОПЫТ РЕЦЕПЦИИ ПЬЕСЫ «ВИШНЕВЫЙ САД» В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме рецепции пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в Великобритании. В сфере внимания автора статьи оказался перевод, выполненный британским драматургом, прозаиком и знатоком русской классики Майклом Фрейном, выдержавший в настоящее время в Англии шесть переизданий. В статье осуществлена попытка проследить движение замысла автора перевода, основанное на понимании характеров персонажей Лопухина и Трофимова как «представителей экономического и политического прогресса», которое созвучно модели восприятия британского читателя. Кроме того, в статье содержится анализ основных приемов создания образов персонажей в пьесе: рассмотрены особенности русской ономастики, проанализирован особый характер диалога, определена роль ремарок и образов-символов, проясняющих характеры героев пьесы.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение; пьесы; художественный перевод; литературные герои; драматургия; русская литература; русские писатели.

На протяжении целого столетия в сравнительном литературоведении наблюдается устойчивый интерес к творчеству А. П. Чехова, которое из важной составляющей русской культуры, интересующей зарубежного читателя, стало фактором влияния во многих национальных литературах. С особым трепетом относится к чеховской драматургии британский читатель и зритель, поэтому «Вишневый сад» – «визитная карточка» русского национального театра – является одним из самых переводимых произведений русской классики в Великобритании.

Рассуждая об успехе «Вишневого сада» у английского читателя и зрителя, британский драматург, прозаик и переводчик Майкл Фрейн утверждает, что главное в этом произведении – «попытка ухватить легкость ежедневной жизни, где смешное и трагическое постоянно соприкасаются» [Frayn 2005: 12]. В пьесе Чехова люди стараются вести себя так, как будто у них все хорошо, о своих проблемах они не говорят, что очень созвучно модели поведения британца: «Непринужденное общение, улыбки, обеды, а в это время происходит трагедия – нам очень близко это ощущение. И что-то от этой попытки сохранить

улыбку на лице, пытаться жить, несмотря ни на что, британские читатели видят и в Чехове» [Там же].

Все возрастающее количество англоязычных переводов, появившихся в период с начала XX века до наших дней, свидетельствует о неослабевающем интересе к произведению, попытках осуществления все более совершенных интерпретаций классического текста.

Один из первых переводов, который осуществил Джордж Кальдерон в сборнике Т. Дикинсона «Ведущие современные драматурги» (1915), положил начало целому ряду переводов пьесы «Вишневый сад». Исследователи творчества Чехова отмечают, что в переводе Кальдерона основной доминантой является отражение национально-культурных реалий драматургического текста, при этом особую тональность пьесы-оригинала переводчику передать не удалось. В 1934 году свой вариант перевода, который долгое время считался одним из лучших в Великобритании, предложил ирландский публицист и переводчик Хьюберт Батлер. Перевод Батлера и более поздний перевод Хелен Рапппорт (1981) отличает стремление наиболее точно передать смысл чеховской фразы, сохранить синтаксические и стилевые особенности произведения, воспроизвести сложные для перевода чеховские ремарки.

Переводы, относящиеся к периоду 2000-х гг. (адаптация Стюарта Патерсона 2005 года и Тома Стоппарда 2009 года) отличает обратная тенденция – стремление не столько точно передать все смысловые оттенки чеховского слова, сколько показать особую атмосферу пьесы так, чтобы это было понятно британскому зрителю. Отметим, что такой широкий диапазон существующих в Англии переводов и адаптаций пьесы раскрывает безграничный текстовый и сценический потенциал чеховской драмы.

Среди драматургических переводов «из Чехова» заметным явлением стал перевод «Вишневого сада», выполненный британским прозаиком и драматургом, а также переводчиком русской литературы Майклом Фрейном в 1978 году, выдержавший шесть переизданий в Великобритании. Максимальная точность перевода основана на том, что сам Майкл Фрейн является знатоком русского языка и более полувека проявляет интерес к русской культуре, регулярно посещает Россию, работая в русских архивах, и находится в переписке с ведущими драматургами и публицистами нашей страны. Кроме того, перевод Фрейна считается одним из самых качественных и благодаря тому, что его автор смог уловить самое главное, что есть в пьесе «Вишневый сад» – особое настроение, основанное на чеховском (внутреннем) типе конфликта. Переводчик также попытался уловить в своем варианте

подтекст чеховской драмы, который создается благодаря особому характеру диалога, авторским ремаркам и образам-символам.

Близкий к живому разговорному языку перевод «Вишневого сада» М. Фрейна в последнем издании («Methuen Drama», 2005) дополнен комментариями Ника Воррелла – ученого, специализирующегося на изучении русской литературы и театр («Николай Гоголь и Иван Тургенев» (Лондон-Базингсток, 1982), «Файл на Чехова» (Лондон-Нью-Йорк, 1986), «От модернизма до реализма на советской сцене» (Кембридж, 1989). В комментариях Воррелла и вступительной статье Фрейна говорится о неправильной трактовке сюжетов, образов, идей и характеров персонажей пьес Чехова, которые ставились в Великобритании, и предлагается более точное, с точки зрения авторов, прочтение текстов русского классика.

Во вступительной статье к переводу М. Фрейн размышляет о характерах персонажей пьесы Чехова. Совершенно отчетливо заметно, что Фрейн не испытывает симпатии к «семье Гаевых». Основной причиной упадка и разорения помещиков в пьесе Фрейн называет нежелание этих героев спасти себя, так как и Гаев, и Раневская «привыкли, что кто-то обеспечивает их жизнь, а лидером в произведении оказывается человек, который способен сделать все для себя сам» [Фрейн 2016].

С наибольшей симпатией Майкл Фрейн относится к Трофимову и Лопахину, называя их самыми противоречивыми и сложными персонажами пьесы. Он подразумевает под их образами «представителей экономического (Лопахин) и политического (Трофимов) прогресса», которые, однако, под воздействием разных причин «оказались на разных берегах жизни» [Fraun 2005: 52]. Смысловая функция этих героев в тексте, по мнению переводчика, была «неправильно понята многими режиссерами», в связи с «естественной симпатией читателя и зрителя к семье Гаевых», «безумное очарование» которых скрывало личные качества Лопахина и Трофимова [Там же]. Фрейн считает Лопахина не только успешным дельцом, но и достойным человеком, лишенным «мелочности и обмана», за что его и полюбила Варя, серьезная и религиозная барышня. Образ Лопахина, по мнению переводчика, наиболее понятен для английского читателя благодаря предприимчивости персонажа и его устремленности к успеху и благополучию.

В переводе пьесы «Вишневый сад» купец Лопахин определяется Фрейном как «businessman». Совершенно понятно, что при такой трактовке происходит существенная трансформация образа Лопахина, утрачивается важный аспект личности героя, связанный с его принадлежностью к купеческому сословию, тем самым, уходит на второй план и биографическая составляющая его истории. Для Фрейна важно

в истории Лопухина показать «новый тип предпринимателя», установить психологическую связь героя с Раневской, знакомой ему с детства, а не раскрыть в его характеристике личную жизненную драму, связанную с происхождением героя: «Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню» [Чехов 2018: 61]. Сам Лопухин при этом очень четко осознает свое место в жизни и обществе, понимая, что, несмотря на покупку имения, хозяином которого герой, бывший слуга, внук крепостного, теперь является, он остается «простым мужиком».

Ошибочность зарубежных интерпретаций образа Петра Трофимова, по мнению Фрейна, состоит в том, что его обычно сопоставляли с типом «незрелой личности, которая боится выйти из университета и столкнуться с реальным миром» [Fraun 2005: 9]. Это мнение установилось из-за перевода, в котором сам герой определяет себя как «вечный студент», фраза, которая на английский язык переведена слишком буквально, что ведет к неверной интерпретации характера персонажа. Майкл Фрейн предлагает иную трактовку образа Трофимова, ассоциируя его не с образом вечного студента, а с вариантом образа «вечного жида» – бродячего еврея, обреченного на вечное изгнание. Именно поэтому в переводе Майкла Фрейна Трофимов говорит о себе: «The Wandering Student like Wandering Jew» (странствующий студент, как странствующий еврей) [Fraun 2005: 17]. Этой фразы не существует в тексте-оригинале, но, вводя ее в свой перевод в качестве характеристики Трофимова, Фрейн основывается на документальном материале – письме Чехова к Ольге Книппер. В этом письме автор по поводу второго акта говорил о том, что причиной, по которой Трофимова постоянно отчисляют из университета, является его политическая деятельность. Таким образом, Фрейн считает, что Чехов воспринимает Трофимова всерьез – как человека, который «имеет настоящие убеждения, за которые он готов страдать» [Там же: 9].

Такое видение чеховских персонажей хоть и не вступает в серьезное противоречие с отечественными трактовками пьесы, но расставляет иные смысловые акценты в характеристиках образов героев. Взгляд на героев Чехова, сложившийся в российском литературоведении, включает существенные для постижения пьесы аспекты. Так, отечественные чеховеды выделяют основные свойства чеховского героя: человек, «задумавшийся над смыслом собственного существования», находящийся «в разладе должного и реального, человеческого и искаженного» (В. В. Химич), принципиальный «негерой эпохи безвременья», отличающийся «сложностью и недосказанностью», но «стремящийся к прекрасному идеалу» (А. П. Чудаков), который он не в силах

обрести. Эти смысловые акценты отражают не только конкретные общественно-исторические реалии, в контексте которых и создавалось художественное произведение, но и затрагивают вопросы бытийного, вневременного масштаба, на которые так мучительно ищет ответ Чехов в своих пьесах.

Еще одной проблемой, с которой столкнулся Майкл Фрейн во время выполнения перевода, стали русские имена персонажей. В своих интервью переводчик не раз отмечал, что перевод имен он считает одним из самых важных элементов в своей профессиональной деятельности: «У англоязычной публики нет ни малейшего представления о том, что подразумевается, когда русского человека называют по имени или по имени и отчеству. Я безжалостно упрощал русские имена. Нет смысла сохранять их, если оттенки значения непонятны зрителю» [Фрейн 2016]. Поэтому в ходе работы над переводом пьесы «Вишневый сад» драматург заменил сложные русские трехкомпонентные имена персонажей уменьшительными аналогами, понятными британскому читателю и зрителю. Так, в соответствии с замыслом Фрейна, Любовь Андреевна Раневская стала Любой Раневской, Гаев Леонид Андреевич – Гаевым Ленеи, а Борис Борисович Симеон-Пищик и Епиходов Семен Пантелеевич полностью утратили свои имена и отчества.

Кроме того, Фрейн пытался сохранить все определения, которыми герои щедро наделяют друг друга. Следует сказать о том эквиваленте, который Фрейн нашел для слова «недотёпа» – «sillybilly». Этот вариант является удачным, так как в нем сохранен и смысл, и особая мягкая стилистическая окраска слова, и ритм. То же самое можно сказать и о крылатом выражении, которое служит определением Епиходова – «двадцать два несчастья». Фрейну удалось подобрать близкий идиоматический британский аналог – «Disasters by the Dozen». Именно поэтому в переводе М. Фрейна персонажи говорят каждый в своей индивидуальной манере, что соответствует творческому замыслу А. П. Чехова.

Переводчик пытался сохранить и точно передать авторские ремарки, которые в пьесе Чехова из исключительно вспомогательного средства превращаются в конституирующие элементы драматического текста, функционально взаимосвязанные с персонажами. Поэтому в тексте регулярно встречаются контрастные ремарки, раскрывающие смену настроений героев. Майкл Фрейн дословно воспроизводит эти ремарки, поддерживающие, с одной стороны, мотив глухоты героев, а с другой – служащие для нарастания опасности и трагизма их положений. Иллюстрацией этого могут служить слова старика-лакея Фирса в пьесе:

Ф и р с. Перед несчастьем то же было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь [Чехов 2018: 21].

Ощущение опасности нагнетается в произведении при помощи звуковых образов-символов – игры оркестра, звука лопнувшей струны, стука топора по дереву. Отметим, что перевод Майкла Фрейна также наполнен этими звуками-символами: «The sound of a breaking string, dying away, sad», «silence descends» и др. Звуковые ремарки-символы в переводе Фрейна помогают передать особую трагическую интонацию. Финальная ремарка, описывающая звук лопнувшей струны, является заключительным образом, который разрешает все нарастающее ощущение тревоги в мире, в котором все «враздробь», в котором герои, выпавшие из общего течения времени, не умеют жить.

В целом, выполненный М. Фрейном перевод «Вишневого сада» позволяет говорить о его высоком уровне, несмотря на достаточно ощутимые различия в трактовках персонажей пьесы. Формируя свои переводческие принципы, Фрейн не раз утверждал, что в основе каждого профессионального перевода должно лежать два принципа: во-первых, герой должен говорить то, что сказал бы английский персонаж на его месте, а во-вторых, сказанное должно быть сразу понятно зрителю. Но полностью осуществить эти стратегии, по мнению Фрейна, невозможно, так как «разные языки отражают различные способы восприятия мира, а слова формируют особый вид мировоззрения» [Фрейн 2010: 15]. Камнем преткновения для самого Фрейна во время работы над переводом «Вишневого сада» являлось наличие многих аллюзий и цитат из произведений русской литературы и фольклора, которые формируют у читателя и зрителя определенное отношение к происходящему, конкретную эмоцию. Так как многие из этих заимствований были бы непонятны английскому читателю, Фрейн считал необходимым убирать некоторые из этих фраз или придумывать свои, ориентируясь на английскую культуру. Таким образом, основной сложностью, которая неизбежно встает перед любым профессиональным переводчиком, по мнению Фрейна, является необходимость «из одного мировосприятия шагнуть в другое и найти замену, близкую оригиналу» [Там же: 18].

ЛИТЕРАТУРА

Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова : искусство стилизации : дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 446 с.

Кузнецов С. Н. О функциях ремарки в чеховской драме // Русская литература. 1985. № 1. С. 140-154.

Паперный З. С., Полоцкая Э. А., Розенблюм Л. М. Чехов и мировая литература. М. : Наука, 1997. 639 с.

Текст и перевод / под ред. В. Н. Комиссарова, Л. А. Черняховской, Л. К. Латышева и др. М. : Наука, 1988. 164 с.

Фрейн М. Интервью с переводчиками [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/477090/Интервью_с_переводчиками_Мосты_4_2010 (дата обращения: 08.11.2018).

Фрейн М. Интервью «Драматург и писатель: влияние» [Электронный ресурс]. URL: <http://sounds.bl.uk> (дата обращения: 05.11.2018).

Фрейн М. Интервью «Как важно выйти из собственных ботинок» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/19> (дата обращения 08.11.2018).

Химич В. В. О художественной системе А. П. Чехова // Русская литература XX века : закономерности исторического развития. Кн. 1. / отв. ред. Н. Л. Лейдерман. Екатеринбург, 2005. С. 50-70.

Чехов А. П. Вишневый сад : сборник. М. : Изд-во АСТ, 2018. 352 с.

Чудаков А. П. Мир Чехова : возникновение и утверждение. СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2016. 701 с.

Chekhov in English : 1998–2008. Northgate Books Oxford, 2008. 116 p.

Frayn M. Anton Chekhov : The Cherry Orchard. L. : Methuen Drama, 2005. 149 p.

REFERENCES

Kubasov A. V. Proza A. P. Chekhova : iskusstvo stilizatsii : dis. ... dokt. filol. nauk. Ekaterinburg, 1999. 446 s.

Kuznetsov S. N. O funktsiyakh remarki v chekhovskoy drame // Russkaya literatura. 1985. № 1. S. 140-154.

Papernyy Z. S., Polotskaya E. A., Rozenblyum L. M. Chekhov i mirovaya literatura. M. : Nauka, 1997. 639 s.

Текст и перевод / под ред. В. Н. Комиссарова, Л. А. Черняховской, Л. К. Латышева и др. М. : Наука, 1988. 164 с.

Freyн M. Interv'y u s perevodchikami [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.academia.edu/477090/Interv'y_u_s_perevodchikami_Mosty_4_2010 (data obrashcheniya: 08.11.2018).

Freyн M. Interv'y u «Dramaturg i pisatel': vliyanie» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://sounds.bl.uk> (data obrashcheniya: 05.11.2018).

Freyн M. Interv'y u «Kak vazhno vyyti iz sobstvennykh botinok» [Elektronnyy resurs]. URL:

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/19> (data obrashcheniya 08.11.2018).

Khimich V. V. О khudozhestvennoy sisteme A. P. Chekhova // Russkaya literatura XX veka : zakonomernosti istoricheskogo razvitiia. Kn. 1. / otv. red. N. L. Leyderman. Ekaterinburg, 2005. S. 50-70.

Chekhov A. P. Vishnevyy sad : sbornik. M. : Izd-vo AST, 2018. 352 s.

Chudakov A. P. Mir Chekhova : vzniknoenie i utverzhdenie. SPb. : Azbuka; Azbuka-Attikus, 2016. 701 s.

Chekhov in English : 1998–2008. Northgate Books Oxford, 2008. 116 p.

Frayn M. Anton Chekhov : The Cherry Orchard. L. : Methuen Drama, 2005. 149 p.